

© 2024

УДК: 338.001.36

Михаил Корнилов

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kornilov6547@mail.ru)

Алексей Корнилов

преподаватель кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: lyokha74@mail.ru)

ВЫБОР МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В статье рассматриваются направления развития российской экономики в ближайшем обозримом будущем. Анализируются сложившиеся в постсоветской России предпосылки формирования более прогрессивной модели экономики взамен полностью дискредитировавшей себя либеральной рыночной модели в ее экспортно-сырьевом исполнении. Учитывая ряд уже вполне проявивших себя признаков новой модели, благоприятных условий и нарастающих тенденций ее формирования, авторы приходят к выводу о том, что это будет модель государственного капитализма. По мнению авторов, именно эта модель будет в равной мере и наибольшей степени соответствовать в России экономическим интересам государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: либеральная рыночная экономика, экспортно-сырьевая модель, стратегическое государственно-частное партнерство, бюрократия, олигархия, коррупция, выбор модели развития, цифровая революция, государственный капитализм.

DOI: 10.31857/S0207367624100023

Написание настоящей статьи вызвано теми значительными изменениями в системе хозяйствования, которые начались в России более 30 лет назад и продолжаются и до сих пор.

Причиной этих изменений стали те внутренние противоречия, которые постепенно накапливались в господствовавшей в нашей стране более 70 лет классической административно-плановой системе хозяйствования. Эти противоречия не устранялись, вследствие чего система необратимо деградировала. К последнему десятилетию XX в. эти противоречия, вылившиеся в непримиримую, хотя и относительно бескровную, борьбу интересов внутри правящего класса, привели к тому, что административно-плановая система хозяйствования прекратила в России свое существование.

Силы, взявшие верх в этой борьбе — «могильщики социализма» — были довольно пестрыми по своему составу. От откровенных ксенопатриотов¹, продвигавших свои

¹ Ксенопатриотизм — любовь к чужой стране в ущерб своей собственной. Обычно это связано с тем, что на родине все кажется неправильным и просто ужасным, зато в стране X — замечательным, прогрессивным, душевно близким и хочется, чтобы на родине любой ценой стало так же, как там.

взгляды со слепой энергией религиозных неопитов, до этактистов и технократов, видевших в отказе от советских декораций лишь способ перезапустить буксующую экономику, все они сходились в одном: на место административно-плановой системы хозяйствования должно прийти нечто эпически-либеральное, созвучное тотальной саморегуляции рынка в лучших традициях школы Адама Смита. О том, что уклад, который они надеялись перенести на отечественную почву (т.е. «капитализм», в понимании советских идеологов), на Западе давно уже прекратил свое существование под бременем стагфляции и фиатизации² мировой финансовой системы, — об этом «прорабы Перестройки» не знали, как показал опыт последующих 30 лет ... Капитализм, в который странам постсоветского пространства предстояло встраиваться, давно уже мутировал в совершенно новую хозяйственную парадигму, которую виднейший современный теоретик международного левого движения Янис Варуфакис справедливо квалифицирует как «технофеодальную», или «неофеодальную» [9. Р. 104—106]. Внутреннюю логику этой мутации стоит коротко осветить хотя бы ради полноты понимания деятельности тех сил, на откуп которым досталось «освоение» советского наследия.

Эта логика довольно прозрачна. Фиатизация денег, обеспеченных с 1 апреля 1978 г., по сути, лишь доброй волей ФРС США, уничтожила в странах «коллективного Запада» последние ограничения для умножения производных финансовых инструментов, а следовательно — и бесконтрольного умножения «фантомных» стоимостей, например в ходе спекуляций на бирже. Соответственно, финансовый сектор превращается в аттрактор непреодолимой силы, поскольку в среднем норму прибыли обеспечивает выше, чем даже торговля героином, и, подобно нефтяной игле, втягивает в себя все ресурсы общества, не исключая и те, что требуются для обновления основных фондов и даже для простого сохранения производственного сектора. В этих условиях владельцу промышленной империи выгоднее продавать ее по частям, для того чтобы увеличить платежи по дивидендам, а значит — и курс своих акций, поскольку на их перепродаже он заработает кратно больше, чем на своей некогда профильной деятельности. Что же касается порождаемого этим сжатия промышленной базы — деиндустриализации — то ее негативные социально-экономические последствия до поры до времени компенсируются или скорее маскируются переносом социально значимых производств в страны третьего мира и спекуляцией колоссальным научно-техническим заделом, оставшимся от холодной войны³, с его массовым внедрением цифровых технологий в хозяйственный оборот. Характерно, что эти технологии обеспечивают мультипликативный эффект в первую очередь все тому же финансовому сектору! [8].

² Фиатизация (от лат. fiat — букв. «да будет так», декрет) мировой финансовой системы — процесс замещения золотого стандарта свободноплавающими валютными курсами, растянувшийся с 1960 по 1978 г. и в основном заверченный решениями Ямайской конференции в январе 1976 г. Результатом его стала не просто демонетизация золота, но полный отказ от товарного, и вообще сколько-нибудь определенного, официального обеспечения денег.

³ Холодная война — глобальное геополитическое, военное, технологическое, экономическое и идеологическое противостояние с 1948 по 1991 г. между двумя блоками государств с различными социальными и экономическими системами: социалистическим, во главе с СССР, и капиталистическим, во главе с США, завершившееся фактической победой США и распадом СССР.

К особенностям упомянутой выше мутации классического капитализма в новую хозяйственную парадигму следует отнести и эффект релятивизации⁴ стоимостной массы за счет ее преимущественного обращения в финансовом секторе. Это с неизбежностью ведет к эрозии самого института частной собственности, которая происходит по ряду направлений. В первую очередь за счет фрагментации, обусловленной экспансией рынка ценных бумаг, но также и постоянного расширения практики внесудебных имущественных арестов, конвергенции прав интеллектуальной и вещной собственности, роста применения и разнообразия санкционных инструментов, а равно прочих произвольных внеэкономических обременений хозяйственного оборота. Поэтому в современных условиях ключевым источником могущества в экономической сфере все менее служит «состояние», как его понимали лет 100 тому назад, и все более — эксклюзивный доступ к институционализированным финансовым ресурсам, а в последнее время — такой их разновидности, как «социальный капитал», сконцентрированный на цифровых платформах. Иначе говоря, если элитарный статус средневекового феодала опирался на его право отчуждать в свою пользу ренту с земельных владений определенного размера и качества, то современного «феодала», т.е. управленца (все равно — государственного или корпоративного), как главного актора современного хозяйственного оборота, конституирует возможность «запускать руку» в определенные финансовые потоки, благодаря стабильности последних порождая доход, совершенно эквивалентный земельной ренте...[9. Р. 31—58]

Понятно, что вхождение России без заранее продуманного переходного периода в этот новый «финансовый» капитализм не могло не придать его отечественной версии некоторые специфические черты. Как и везде в мире, в России построение рыночной экономики началось с развития частного предпринимательства, формирования в экономике значительного негосударственного сектора. Эти процессы ознаменовались безудержной приватизацией государственной собственности, что в идеале должно было привести к справедливому распределению бывшей «общенародной собственности» между всеми россиянами. Однако стараниями тогдашних руководителей страны приватизация госсобственности, проведенная в обход широких слоев населения, привела к массовому обнищанию последних⁵. В тот период наиболее доходные «куски» этой собственности (добыча полезных ископаемых, черная и цветная металлургия, средства связи и пр.) переходили в частные руки по так называемой «остаточной стоимости» и в считанные годы становились источником колоссальных состояний будущих российских олигархов. В этой связи уместно вспомнить характеристику, данную русской буржуазии Фридрихом Энгельсом: «Русская буржуазия образовалась из откупщиков питейных сборов и из поставщиков армии, обворовывавших государство; всем своим существованием она обязана государству: покровительственные пошлины, субсидии, казнокрадство, жесточайшая эксплуатация

⁴ Релятивизация — отказ от придания чему-либо абсолютного значения; соотнесение чего-либо с какой-либо точкой отсчета с каким-либо эталоном, ориентиром, мерилем и т.п.

⁵ К 2000 г. в России за чертой бедности находились 42,3 млн человек. Это 29% численности населения страны.

рабочих с разрешения и под защитой государства» [7. С. 246], — таков был, с его точки зрения, контингент «строителей капитализма» в XIX в.

Все происходившее в нашей стране в «лихие 90-е» убеждает в том, что определенные внутренние силы при активной поддержке извне направляли вновь обретенную российскую рыночную экономику на путь реализации либеральной рыночной модели, господствующей в большинстве стран мира. Суть ее состоит в тотальном господстве в экономике и политике страны крупного капитала. Однако в условиях постсоветской России быстрому и сколько-нибудь завершеному формированию этой модели помешали, с одной стороны, относительная слабость и компрадорские настроения нарождавшегося отечественного олигархата, а с другой — нежелание некогда всесильной (еще с «советских» времен) бюрократии делиться с кем-либо властью. Противоречия между ними привели к тому, что в постсоветской России не сложилась сколько-нибудь определенная модель национальной экономики. Неоднократные смены экономического курса страны (при Гайдаре и Черномырдине, при Примакове, при Касьянове⁶) свидетельствовали о проходившей тогда скрытой борьбе за рычаги управления экономикой и, как следствие этого, крайней неустойчивости внутриэкономической политики страны. Руководство страны никак не могло решиться на выбор какого-либо определенного экономического пути и в годы кризиса переходного периода (1992–1999 гг.), и в годы последующего экономического оживления (2000–2007 гг.). Это состояние «перепутья» сказывалось на нашей экономике до совсем недавнего времени. Весь период «перепутья» в силу падения доходов населения, а соответственно и спроса, нарастающей технической отсталости и некредитоспособности большинства отраслей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, происходил захват внутреннего рынка зарубежными конкурентами, предполагаемые частные инвестиции в экономику почти сразу обернулись «бегством капитала» за границу, где за отсутствием адекватных отечественных биржевых площадок находился финансовый аттрактор постсоветской экономики. В итоге ожидаемая либеральная рыночная модель российской экономики быстро превратилась в компрадорскую, причем в самом одиозном ее варианте — топливно-сырьевого придатка «коллективного Запада».

Однако эта роль в будущем России ничего хорошего не предвещала. Тяжелый экономический кризис «переходного периода» (1992–1998 гг.) и мировой финансовый кризис («Всемирная рецессия») 2008–2009 гг. в сочетании с компрадорскими устремлениями отечественного олигархата убедительно показали ущербность либеральной модели экономики для России. Эта ущербность своеобразно проявилась даже для самих конечных бенефициаров коррупционной ренты. Оказалось, что спрятать свои капиталы от отечественных силовиков не так сложно, как защитить их от возрастающей адресности и безапелляционности правоприменения на «коллективном Западе». В первом случае деньги, «кровью и потом нажитые», буквально на глазах таяли, теряя покупательную способность не просто в ходе ее

⁶ Гайдар Е.Т. в июне-декабре 1992 г. и.о. Председателя Правительства РФ; Черномырдин В.С. в 1992–1998 гг. Председатель Правительства РФ; Примаков Е.М. в 1998–1999 гг. Председатель Правительства РФ; Касьянов М.М. в 2000–2004 гг. Председатель Правительства РФ.

перманентного и принудительного перераспределения на финансовых рынках, но из-за попыток ограничить масштабы такого перераспределения. Во втором случае само пользование этими деньгами оказалось в полной зависимости от капризов государства — реципиента «беглого» капитала, которое в любой момент способно во внесудебном порядке и по самому вздорному поводу ограничить доступ к нему владельца. А все возрастающие усилия «коллективного Запада» поставить нашу страну на колени, не допустив ее самостоятельного развития, путем применения к ней нескончаемой череды жестких санкций⁷, лишь подтвердили необходимость скорейшего отказа от любых вариантов нынешней либеральной модели рынка.

В этой связи встал вопрос о поиске какой-то иной модели экономического развития России. Ведь если уж рыночной системе хозяйствования в России нет альтернативы, то следует придерживаться такого ее варианта, которая соответствовала бы национальным экономическим интересам нашей страны, то есть укрепляла бы ее экономический суверенитет, экономическую и военную мощь и повышала бы уровень жизни населения.

Таким вариантом в первом десятилетии XXI в. виделось широкое сотрудничество государства и бизнеса. Это должно было быть не то государственно-частное партнерство (ГЧП), которое введено у нас Федеральным законом 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном и муниципально-частном партнерстве». Ведь согласно этому закону, ГЧП, хоть и называется «партнерством», слишком напоминает эксплуатацию бизнеса государством путем сдачи ему в концессию наименее интересных и престижных проектов.

Имелось в виду, конечно, совсем другое: подлинно равноправное партнерство государства и частно-предпринимательских структур. Предполагался своего рода договор двух ведущих акторов рынка. Идею такого договора еще в 2013 г. выдвинул академик С.Ю. Глазьев, который писал, что «нужен общественный договор между государством и бизнесом, в рамках которого можно было бы создать прозрачное частно-государственное партнерство, основанное на взаимной ответственности в интересах экономического развития страны» [3].

Сущность такого партнерства состоит в том, что оно представляет собой совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Иными словами, государство и бизнес совместно и на равных основаниях должны реализовать преимущества рыночной экономики. При этом каждая из сторон имеет в таком стратегическом частно-государственном партнерстве (СЧГП) свою сферу ответственности. Предпринимательское сообщество отвечает за добросовестную конкуренцию, антимонопольную политику, поддержку малого и среднего бизнеса, фондовые и товарные рынки, рынок труда, взаимоприемлемое разрешение трудовых споров и т.п. Государство же выполняет свои традиционные функции, например, отвечает за оборону и общественную безопасность, развитие социальной сферы. Совместно стороны вырабатывают

⁷ С марта 2022 г. Россия стала мировым лидером по количеству наложенных на нее санкций. К 22 марта число российских физических и юридических лиц, находящихся под санкциями, достигло 7116.

планы экономического развития, развития прикладной науки и техники, согласовывают налогообложение, устанавливают тарифы и квоты⁸.

В России внедрение и последовательная реализация СЧПП:

- вынудило бы государство ответственно относиться к интересам отечественного бизнеса, учитывать его планы в ходе экономического строительства;
- выработало бы для бизнеса устойчивые «правила игры» в российской экономике, создало бы в ней подлинно рыночные отношения между хозяйствующими субъектами, высвободило бы их хозяйственную инициативу, сформировало бы благоприятный инвестиционный климат;
- придало бы отечественному бизнесу уверенности в будущем, позволило бы ему строить и реализовывать долгосрочные планы своей деятельности в России, усилило бы патриотические настроения в бизнесе, создало бы неприязненную обстановку для предпринимателей с психологией компрадоров и временщиков;
- существенно ослабило бы в нашей стране позиции коррупционеров и организованной преступности, которые быстро стали бы ненужным звеном в системе управления российской экономикой;
- существенно уменьшило бы масштабы теневой деятельности и утечки капитала из России в силу утраты необходимости в них.

Однако, говоря о преимуществах внедрения СЧПП, не стоит забывать, что речь идет именно о механизме, т.е. феномене, который сам по себе совершенно нейтрален. Как свидетельствует мировая практика, СЧПП в принципе имеет все основания составить интегральную часть финансового неофеодализма, поскольку создает идеальные условия для практически безнаказанного перекачивания стоимостной массы из публичного сектора в частный, что в условиях финархии⁹ при прочих равных условиях обеспечивает максимальную норму прибыли. В российских условиях этот риск особенно велик — тем более, если внедряемый механизм СЧПП будет, как это уже не раз бывало в нашей истории новейшего времени, должным образом «перенастроен» в интересах нечистых на руку распорядителей средств государственного бюджета и «дружественных» им частных предпринимателей¹⁰.

В то же время не следует забывать, что принципиальная возможность вовсе не означает долженствования. Соответственно, от СЧПП не следует отказываться только потому, что кто-то может его извратить в своих интересах. При должной

⁸ Полномасштабное СЧПП в настоящее время наилучшим образом реализовано в Японии. В США эту страну даже именуют Japan Incorporated (Япония объединенная), подчеркивая тем самым единство в ней власти, бизнеса и народа.

⁹ Финархия — смещение в стране центра тяжести хозяйственной деятельности в спекулятивный сектор.

¹⁰ Примером извращения мер, направленных на санацию экономики, служит внедрение в хозяйственную практику постсоветской России финансово-промышленных групп (ФПГ). Идея была вполне здоровой: позволить ключевым промышленным предприятиям и их объединениям при посредстве дочерних финансовых структур прибегать к ресурсам финансового рынка, для того чтобы в возможно большей степени финансировать собственную профильную деятельность, снижая нагрузку на бюджет. Однако одну деталь в этом механизме упустили: установить в качестве контрольного показателя эффективности ФПГ «q Тобина» — коэффициента, позволяющего определить, где находится центр тяжести подобной «гибридной» структуры: все еще в промышленной сфере или уже в финансовой. А без этой детали весь механизм ФПГ свелся к ускоренной деиндустриализации нашей страны.

юридической отладке и грамотном целеполагании оно имеет все основания стать оптимальным инструментом повторения в российских условиях хорошо известного «чуда на Рейне»: стратегического вливания финансовых ресурсов ради восстановления и ускоренного развития основного капитала страны (аналогичное «чудо» произошло и в экономике Южной Кореи). Причина одна и та же. В обеих странах удалось совместить почти невероятный хозяйственный рост с финансовой стабильностью — поскольку результаты программ развития создавали деньгам, вброшенным в экономику, необходимое стоимостное обеспечение на новом хозяйственном цикле.

Таким образом, для того, чтобы и российская экономика добилась этого, а равно и прочих ассоциирующихся с СГЧП положительных эффектов, необходимы серьезные перемены как в среде государственной бюрократии, так и в предпринимательском сообществе.

Со стороны государства¹¹ потребуются преодолеть не только сопротивление коррумпированных чиновников, не желающих расставаться с источниками своих несправедливых доходов, но вообще сопротивление непомерно разросшейся и усилившейся отечественной бюрократии, подрывающей рыночную экономику неоправданным вмешательством. В России явная и неявная власть бюрократии всегда была огромной и определяющей. Поэтому полагать, что она так просто этой властью поступится хотя бы на йоту, было бы наивно.

Из мер же более частных, технических, которые государству неизбежно придется реализовать ради успешного применения механизма СГЧП, следует отметить в первую очередь:

- внедрение инструментов, аналогичных «q Тобина», в контроль результативности¹² партнерских проектов;

- разработку максимально прозрачной системы целеполагания стратегического хозяйственного и научно-технического развития, включающей как множественные контрольные демонстраторы технологий, так и максимально инклюзивный, массовый экспертный пул [4. С. 165–177] для объективного выбора приоритетов развития и оценки результатов соответствующих проектов [2. С. 154–162];

- возможно более широкое внедрение практики кратного штрафования за коррупционные и этико-фидуциарные¹³ нарушения в рамках реализации проектов СГЧП, но одновременно — и бонусного поощрения за оптимизацию достижения ключевых результатов этих проектов;

- радикальную реформу института интеллектуальной собственности, с тем чтобы свести связанные с ним исключительные права к подобию сервитута — права на фиксированную законом определенную долю в чистой прибыли;

- внедрение практики «финансовой амнистии»/«финансового убежища» для средств, направляемых частным сектором на реализацию проектов СГЧП.

¹¹ Сюда же следует отнести и органы местного самоуправления.

¹² Для проектов СГЧП результативности, неизмеримо более значимой, нежели коммерческая эффективность.

¹³ Фидуциарный — означающий высокую степень доверия договаривающихся сторон друг к другу.

Анализируя условия и перспективы внедрения СГЧП в нашей стране, нельзя не задуматься над тем, какой же экономической модели будет наилучшим образом соответствовать этот механизм партнерства государства и бизнеса. По признаниям ряда российских экономистов [см., например, 5, 6], мнение которых разделяют и авторы настоящей статьи, такой моделью, реализация которой наиболее вероятна в ближайшем будущем, является модель государственного капитализма¹⁴.

Эта точка зрения основана на:

- глубоко укоренившейся в сознании как властной бюрократии, так и в целом широких народных масс идеи о решающей роли государства в экономической жизни страны, какую бы экономическую модель она ни порождала;

- том, что коллапс либеральной рыночной модели (в любых ее воплощениях в нашей стране), а также попытки «коллективного Запада» изолировать Россию от любых мировых рынков, «загнать Россию в леса и болота, откуда она так неосмотрительно вышла»¹⁵ с логической неизбежностью направляют нашу страну на возрождение тех хозяйственных традиций, которые были свойственны ей веками, помогли устойчиво развиваться в самых противоречивых исторических ситуациях.

Начатая «коллективным Западом» мощная антироссийская санкционная кампания резко изменила направленность внутри- и внешнеэкономических усилий руководства нашей страны, о чем наглядно свидетельствует принятие в 2021 г. новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Так, в п. 22 Стратегии сказано, что «Основными факторами, определяющими положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, становятся высокое качество человеческого потенциала, способность обеспечить технологическое лидерство, эффективность государственного управления и перевод экономики на новую технологическую основу». Фактически в этом документе провозглашается полный разрыв с либеральной рыночной экспортно-сырьевой моделью экономики.

Хотя модель госкапитализма в настоящее время находится еще в самом начале своего формирования, уже сегодня довольно явно прослеживаются ее признаки, зародившиеся еще в недрах предыдущей модели.

Первый признак — увеличение размеров и ускорение так называемой «ползучей национализации», которая может проявляться двояко:

- в таком возвратном явлении, как увеличение государственного участия в хозяйствующих субъектах, ранее подвергшихся приватизации;

- в допуске частного капитала в ранее 100%-ные государственные унитарные предприятия и превращение их в АО смешанного типа.

И в том, и в другом случае контрольный (а зачастую и блокирующий) пакет акций сохраняется в руках у государства.

Получается парадоксальная ситуация. При формально продолжающейся в нашей стране приватизации госимущества доля 100%-ных госпредприятий в общенациональной структуре собственности неуклонно сокращается. В 2019 г.

¹⁴ Модель рыночной экономики, при которой происходит сращивание государства и капитала, проявляется стремление власти взять под контроль крупный частный бизнес.

¹⁵ Высказывание бывшего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона.

она сократилась до примерно 2% ВВП. При этом доля смешанных предприятий (их принято называть «компаниями с государственным участием» — КГУ) в этой структуре в настоящее время быстро растет. Так, к 2019 г. она составила уже 38% ВВП. Общее соотношение частной и государственной долей в секторе КГУ точно неизвестно. Однако то, что государство через владение контрольными пакетами полностью контролирует смешанный сектор собственности, позволяет полностью включить сектор КГУ в состав госсобственности. А если добавить к этому еще 13% собственности в форме иного имущества, которым владеет государство, то получится, что совокупная доля госсобственности в экономике нашей страны стремительно растет и в настоящее время уже превысила 50% ВВП¹⁶.

Второй признак — это возрастающая концентрация государственного капитала, прежде всего в стратегических и ключевых отраслях российской экономики. Так, в 2022 г. она достигла на транспорте 73% выпуска продукции, в машиностроении 65%, в банковском секторе — 49%, в нефтедобыче — 45%¹⁷.

Судя по этим признакам и сохраняющимся в них тенденциям, государственный капитализм как модель развития российской экономики в перспективе должен только упрочиваться. В частности, все большую роль в ее становлении будут играть госкорпорации (такие как Ростех, Росатом, Роскосмос), которым уже сегодня принадлежат лидирующие позиции в стратегических отраслях российской экономики.

К смене модели экономического развития нашу страну вынуждают и условия становящегося все более острым противостояния с «коллективным Западом», для победы в котором требуется безусловная мобилизация всех ресурсов страны. В российских реалиях это становится возможным только при усилении государства в экономике, которому будет способствовать модель госкапитализма.

Поэтому не стоит удивляться, что уже в ближайшем будущем российская экономика может разделиться на два сектора: сектор стратегических отраслей (энергетика, добыча нефти, газа и угля, тяжелая и химическая промышленность, транспорт), который будет функционировать на основе директивного планирования с ограниченными возможностями рынка, и сектор всех прочих отраслей (сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, строительство, сфера услуг, операции с недвижимостью), для которого будет характерно преобладание рыночных отношений с использованием индикативного планирования.

Нетрудно убедиться, что российская модель госкапитализма может быть весьма похожей на китайскую экономическую модель. Однако при всем сходстве друг с другом они не тождественны. Так, в Китае директивное планирование перешло в сектор стратегических отраслей еще из «классического» социалистического планирования, чего у нас нет. Возродить его в наших реалиях — большая проблема, так как возврат к директивному планированию и принудительному выполнению планов экономического строительства противоречит ст. 8, 35 и 36 Конституции нашей страны [1] и вряд ли будет одобрен большинством россиян.

Однако отсутствие директивного планирования в стратегическом секторе экономики делает невозможным увязывание директивных планов с индикативными

¹⁶ Рассчитано по данным Росстата.

¹⁷ Данные ФАС России.

планами в рыночном секторе экономики, что, в свою очередь, не даст возможности объединить оба сектора экономики в единый хозяйственный организм. Выход из положения, возможно, лежит в расширении практики реализации национальных проектов, которые при их комплексном содержании и необходимости выполнения обязательств по бюджетному кредитованию способны стать более гибкой альтернативой директивному планированию.

Нельзя забывать и того (возможно, это главное различие), что китайский планово-рыночный симбиоз создавался, поддерживается и тщательно контролируется мощной политической надстройкой — коммунистической партией этой страны, чего сегодня в России нет. Будет ли такая надстройка в каком-либо ином виде создана для контроля российского госкапитализма и сможет ли он эффективно функционировать без такой надстройки — эти вопросы сегодня остаются без ответа. Однако без положительных ответов на эти вопросы, даже несмотря на уже проявившиеся ее признаки, будущее госкапиталистической модели в России представляется не вполне определенным.

Итак, мы убедились в том, что в условиях смены глобальной экономической парадигмы наша страна оказалась на перепутье экономического развития. Сегодня перед ней открывается «окно возможностей». Выбор перспективных экономических моделей для нашей страны не так уж и велик. Одной из них является модель госкапитализма. У нее есть наибольший шанс воплотиться в российских реалиях, потому что именно в ней в долгосрочном плане, как нам представляется, совпадут экономические (и не только экономические) интересы отечественного государства и отечественного бизнеса. Желательно, чтобы при этом также учитывались интересы широких народных масс.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (новая редакция). М.: ЭКСМО. 2023.
2. Альпидовская М.Л., Корнилов А.М. Искушение большой цифрой: «Инклюзивный капитализм», или общество Постмодерна. М.: ИНФРА-М. 2024.
3. Глазьев С.Ю. Жребий брошен // Эксперт № 17–18 (849), 29 апреля — 12 мая 2013.
4. Корнилов А.М. Будущее цифровой революции: коллапс рынка рабочей силы или научный краудсорсинг? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1 (21).
5. Логунов В.Н. Роль государства в рыночной экономике. Воронеж: ЦИРЭ. 2009.
6. Радыгин А. Государственный капитализм и финансовый кризис: факторы взаимодействия, издержки и перспективы // Экономическая политика. № 6. 2008.
7. Энгельс Ф. Письмо Августу Бебелю от 29 сентября 1891 г. / Маркс—Энгельс. ПСС. Т. 15. 1965.
8. Hudson M. Killing the Host: How financial parasites and debt bondage destroy the global economy. Petrolia. 2015.
9. Varoufakis Yanis. Technofeudalism: What Killed Capitalism. Melville House. 2024.

Mikhail Kornilov (e-mail: kornilov6547@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Department of Economic Security,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(Moscow, Russian Federation)

Alexey Kornilov (e-mail: lyokha74@mail.ru)

Lecturer at the Department of Economic Theory,

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russian Federation)

CHOOSING AN ECONOMIC DEVELOPMENT MODEL FOR RUSSIA

The article examines the development directions of the Russian economy in the foreseeable future. It analyzes the prerequisites for the formation of a more progressive economic model in post-Soviet Russia to replace the completely discredited liberal market model in its raw materials export version. Taking into account some clearly visible features of the new model, favorable conditions for and growing trends in its formation, the authors conclude that this will be a model of state capitalism. According to the authors, it is this model that will equally and to the greatest extent correspond to the economic interests of the state, business and society in Russia.

Keywords: liberal market economy, raw materials export model, strategic public-private partnership, bureaucracy, oligarchy, corruption, choice of development model, digital revolution, state capital.

DOI: 10.31857/S0207367624100023